

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра « Уголовное право и процесс»

(наименование кафедры)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль)/специализация)

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему «Вещественные доказательства»

Студент

А. А. Ташкинов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

Л. В. Макаров

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Допустить к защите

Заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс»

к.ю.н., доцент С.В. Юношев

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная подпись)

« ____ » _____ 20 ____ Г.

Тольятти 2019

Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

АННОТАЦИЯ

Тема: Вещественные доказательства

Бакалаврская работа состоит из введения, двух, глав, заключения и списка литературы.

Актуальность темы исследования заключается в том, что каждая категория уголовных дел имеет свои особенности, заключающиеся, в том числе и в требованиях, предъявляемых к доказательствам. Изучение вещественных доказательств дает возможность изучить данный аспект с определенного ракурса, который позволяет исследователю разбираться в уголовном судопроизводстве в целом и работе отдельных органов, которые занимаются подготовкой уголовного дела и сбором доказательств.

Целью выпускной квалификационной работы является анализ понятия вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд таких задач, как исследование понятия «вещественных доказательств», их классификацию и соотношение с другими видами доказательств, определение порядка сбора вещественных доказательств.

В первой главе «Понятие и правовая сущность института вещественных доказательств как самостоятельного средства доказывания по уголовным делам» определены понятие и виды вещественных доказательств, рассмотрено соотношение в уголовном процессе вещественных и иных доказательств. Во второй главе «Проблемы процессуального механизма истребования, исследования и оценки вещественных доказательств по уголовным делам» проанализирован порядок сбора доказательств, их исследование и оценка. В заключении приведены основные выводы, полученные в результате исследования.

Общий объем работы составляет 62 страницы.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1 Понятие и правовая сущность института вещественных доказательств как самостоятельного средства доказывания по уголовным делам	6
1.1 Понятие «вещественные доказательства» в науке уголовного процессуального права	6
1.2 Виды вещественных доказательств	12
1.3 Соотношение вещественных доказательств и иных доказательств в уголовном процессе	16
2 Проблемы процессуального механизма истребования, исследования и оценки вещественных доказательств по уголовным делам	30
2.1 Процессуальный порядок сбора вещественных доказательств	30
2.2 Исследование и оценка вещественных доказательств	45
Заключение	54
Список используемых источников и литературы	57

ВВЕДЕНИЕ

Положения о доказательствах и доказывании в уголовном процессе в отечественном законодательстве закреплены главах 10 и 11 раздела III «Доказательства и доказывание» Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1].

Вещественные доказательства рассматриваются как отдельный вид доказательств в статье 81 УПК РФ и занимают особое положение в рамках доказывания в уголовном процессе.

Актуальность темы исследования заключается в следующем.

В любом судебном процессе, в том числе и уголовном, судья, как лицо, совершающее правосудие от имени Российской Федерации наряду с установлением справедливости и уточнением фактов совершенного преступления должен основываться на каких-либо источниках – доказательствах. Каждая категория уголовных дел имеет свои особенности, заключающиеся, в том числе и в требованиях, предъявляемых к доказательствам. Изучение такого рода доказательств как вещественные доказательства, именно со стороны уголовного судопроизводства дает возможность изучить данный аспект с определенного ракурса, который позволяет исследователю разбираться в уголовном судопроизводстве в целом и работе отдельных органов, занимающихся, в том числе и подготовкой уголовного дела, сбором вещественных и иных доказательств в частности.

Целью выпускной квалификационной работы является анализ понятия вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть понятие «вещественные доказательства» в науке уголовного процессуального права;
- классифицировать виды вещественных доказательств;

- изучить соотношение вещественных доказательств и иных доказательств в уголовном процессе;

- определить процессуальный порядок сбора вещественных доказательств;

- изучить проблемные вопросы исследования и оценки вещественных доказательств.

Объект и предмет исследования определяются тематикой исследования, ее целью и задачами.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при сборе, хранении, уничтожении, исследовании вещественных доказательств в ходе доказывания в уголовном процессе.

Предметом данной выпускной квалификационной работы являются нормы законодательства, материалы практики, научные работы и рассматривающие проблемы отношений, связанные с применением имеющихся знаний.

Методологической основой исследования явились общенаучные методы познания, а также ряд частнонаучных методов (формально-логический, исторический, статический и сравнительный анализ) с учетом принципов системности.

Источниковедческая база исследования включает в себя такие консолидированные акты, как Конституция Российской Федерации, УПК РФ, в рамках ретроспективы рассмотрены также положения Уголовного процессуального кодекса РСФСР [8], нормативные акты, затрагивающие вопросы сбора, хранения, уничтожения вещественных доказательств и другие нормативно-правовые акты, а также материалы судебной практики.

Структура работы отражает основные обозначенные задачи исследования и состоит из введения, двух разделов с подразделами, заключения и списка использованных источников и литературы.

1 Понятие и правовая сущность института вещественных доказательств как самостоятельного средства доказывания по уголовным делам

1.1 Понятие «вещественные доказательства» в науке уголовного процессуального права

Событие преступления почти всегда оставляет в окружающей действительности определенные пространственные изменения. В отличие от идеальных следов, получаемая от соответствующих материальных объектов информация о преступлении способна более объективно свидетельствовать о том воздействии, которое оказало на них преступное посягательство. Это обусловлено психофизиологическими особенностями восприятия, запоминания и передачи очевидцами преступления полученной информации, поскольку предметом показаний таких лиц всегда являются (или, во всяком случае, должны являться) воспринятые ими лично либо от первоисточника определенные сведения о тех или иных обстоятельствах. На достоверность передаваемой вербальной информации может влиять и фактор ее сознательного искажения лицом, дающим показания.

Несмотря на это, вещественным доказательствам в уголовном судопроизводстве в теории и практике доказывания всегда уделялось особое внимание. При этом они традиционно ассоциировались с материальными объектами, так или иначе связанными с обстоятельствами совершения преступления. Так, например, на основании ст. 371 Устава уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г. (УУС) вещественными доказательствами считались: «поличное, орудие, коим совершено преступление, подложные документы, фальшивые монеты, окровавленные или поврежденные предметы, и, вообще все, найденное при осмотре места, при обыске или выемке, и могущее служить к обнаружению преступления и улике преступника».

Подобное понимание законодателями процессуальной природы вещественных доказательств сохранилось и в начале советского периода уголовного процесса.

УПК РСФСР 1960 г. сохранил в перечне вещественных доказательств предметы и документы, имеющие объективную связь с преступлением, однако вне объяснимой логической связи причислил к ним деньги и иные ценности, нажитые преступным путем.

Действующий уголовно-процессуальный закон главное предназначение вещественных доказательств видит в их возможности служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Нормативное определение вещественных доказательств вновь, как и многие годы раньше, основывается на использовании в их качестве материальных объектов, имеющих пространственные границы и свою индивидуальную определенность. Если исходить из этих характеристик, то вне законодательной дефиниции вещественного доказательства остается достаточно широкий круг объектов окружающей действительности, включающий в себя, например, сыпучие материалы, запахи, газообразные вещества и т.п.

Подобная формулировка понятия вещественного доказательства не позволяет, строго говоря, применять какие-либо современные технологии при осуществлении процессуального доказывания. Кроме того, она не соответствует общему нормативному определению уголовного доказательства, согласно которому доказательствами по уголовному делу являются не какие-либо вещи, предметы, документы, люди, а сведения о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию и имеющих значение при производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 74 УПК РФ).

Тезис о незаменимости вещественных доказательств неоспорен и по

ряду иных соображений. Так, например, не все объекты материального мира, подвергшиеся преступному воздействию или сами послужившие этому, могут изыматься с места происшествия. Скажем, при расследовании преступного загрязнения или отравления водоема вряд ли кто-либо будет пытаться изъять всю отравленную или загрязненную воду. Вполне достаточно будет определить внешние границы загрязнения, зафиксировав это при помощи соответствующих технических и процессуальных средств, а также изъять пробы грунта и воды для проведения экспертного исследования. Точно так же бессмысленно изымать обнаруженные на месте происшествия громоздкие предметы и следы, например, дорожку следов, транспортное средство и т.д.

Кроме того, закон (ст. 154, 155 УПК РФ) позволяет выделять в отдельное производство уголовное дело или его отдельные материалы. При этом надлежаще заверенные копии выделенных материалов не теряют своего доказательственного значения и используются в доказывании наряду с доказательствами - оригиналами. Подобный способ признается вполне легальным и при восстановлении утраченных доказательств.

Подобные суждения, а также приведенные нормативные положения приводят к убеждению, что в уголовном судопроизводстве ни один материальный объект не в состоянии иметь значения самостоятельного вещественного доказательства. В доказывании по уголовному делу важна прежде всего получаемая на его основе или с его помощью информация об обстоятельствах преступного события.

В настоящее время «предметы и документы признаются вещественными доказательствами непосредственно после их осмотра и приобщения к уголовному делу публичным субъектом доказывания (ч. 2 ст. 81 УПК РФ)»[17, с.14]. Ответственный всегда должен провести осмотр места происшествия и выполнять комплекс мероприятий, направленных на установление всех обстоятельств произошедшего. Осмотр места

происшествия занимает достаточно много времени - всё зависит от масштабов. Обычно на исследование места преступления уходит от трёх до пяти часов, если же случаются крупные происшествия – например в результате поджога, которые требуют привлечения экспертов разных специальностей, исследование такого пожара длится значительно дольше. Так, В ходе осмотра места пожара устанавливаются признаки, позволяющие определить место первоначального возникновения горения (очага пожара). При обнаружении места предполагаемого очага пожара определяется источник зажигания. При наличии в установленном очаге возгорания следов и признаков характерных аварийному режиму работы электрооборудования или же признаков, характерных внесению постороннего источника огня, фрагменты электрооборудования или материалы с предполагаемыми остатками интенсификаторов горения изымаются и вместе с материалами дела направляются в лабораторию для дальнейшего исследования. Уже в лаборатории устанавливается наличие/отсутствие и идентификация легковоспламеняющихся горючих жидкостей, а также характер возникновения аварийного режима работы.

Однако во многих случаях следственный или судебный визуальный осмотр не способен выявить необходимые свойства этих предметов без проведения специальных экспертных исследований, а также производства дополнительных следственных действий. При этом возникает, на мой взгляд, парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что по субъективному усмотрению следователя или суда в процесс доказывания вовлекается определенный материальный объект, свойства относимости и достоверности которого не определены.

Думается, что такая категория доказательственного права, как вещественное доказательство, означает не отдельный предмет или документ, а совокупность образованных на основе их процессуального исследования сведений об обстоятельствах по уголовному делу. Эти сведения могут

содержаться в отдельных единичных доказательствах: протоколах осмотра, предъявления для опознания, допросов очевидцев, заключениях эксперта и (или) специалиста, их показаниях и т.п. Главное, чтобы эти сведения достоверно отражали все необходимые свойства материального объекта, т.е. были изоморфными.

Подобное понимание вещественного доказательства полностью соответствует нормативному определению уголовного доказательства. Кроме того, оно теряет приписываемые ему свойства исключительности, неповторимости и незаменимости. Учитывая, что вещественное доказательство - это не отдельно взятый объект материального мира, а сложное комплексное средство процессуального доказывания, его отдельные составляющие элементы могут быть заменены или восстановлены без утраты доказательственного значения в целом.

Если признавать вещественным доказательством совокупность сведений об обстоятельствах преступления, полученных при процессуальном исследовании соответствующего материального объекта, то деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, могут приобретать доказательственное значение только в тех случаях, когда на их основе может быть получена соответствующая доказательственная информация по уголовному делу. Автоматическое их причисление к средствам доказывания не соответствует понятию уголовного доказательства вообще и вещественного, в частности. Служить средством доказывания или объектом возможной конфискации имущества - не одно и то же. Эти процессуальные понятия имеют совершенно разное правовое предназначение.

На современном этапе развития доказательственного права представляются весьма важными вопросы обеспечения допустимости вещественных доказательств с точки зрения их формирования предусмотренными уголовно-процессуальным законом субъектами. В настоящее время такое право в полном объеме предоставлено лишь

публичным участникам уголовного судопроизводства: органам предварительного расследования, прокурору и суду. Ни одно частное лицо, принимающее участие в доказывании, формально не названо в числе возможных субъектов формирования вещественных доказательств.

Очевидно, такое положение не вполне соответствует принципу состязательности уголовного судопроизводства. Напомню, что в уголовном процессе Российской Империи наряду с правом судебного следователя на собирание вещественных доказательств и приобщение их к уголовному делу в качестве таковых закон наделял «стороны правом представлять на судебном следствии всякого рода доказательства, не исключая вещественных» (ст. 630 УУС). Разумеется, это не влекло безусловной обязанности суда использовать представленные сторонами вещественные доказательства именно так, как они ходатайствовали. Однако «правовая возможность, предоставленная сторонам по участию в доказывании таким образом, стимулировала их активность и оказывала позитивное воздействие на установление правды в имеющемся уголовном споре» [18, с. 42].

Исторический опыт не бесполезен для использования при современном уголовном процессе в рамках доказывания по уголовным делам. Право самостоятельно формировать и собирать вещественные доказательства может облегчить суду работу в рамках исследования всей картины совершенного преступления, в рамках допустимых доказательств.

В принципе, защитник вправе уже сейчас собирать доказательства посредством названных действий (ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК). Нужно только на нормативном уровне сформулировать такое же право применительно ко всем представителям сторон - частным лицам (в том числе и представителям стороны обвинения). С этой же целью представляется необходимым отменить правило о признании предметов вещественными доказательствами и приобщении их к уголовному делу на основании соответствующего

постановления. по установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Следователь или орган дознания, которым представлен соответствующий материальный объект, при необходимости могут провести его дополнительное процессуальное исследование с тем, чтобы установить его подлинное доказательственное значение и окончательно (до суда) сформировать совокупность единичных однородных доказательств, входящих в вещественное доказательство.

Таким образом, вещественными доказательствами должно признавать совокупность любых сведений, полученных на основании процессуального исследования материальных объектов, которые могут служить средствами для установления обстоятельств по уголовному делу.

1.2 Виды вещественных доказательств

В УПК РФ дано общее понятие вещественных доказательств как предметов.

Особенность предметов как вещественных доказательств подразумевает возможность визуального наблюдения, фиксации их признаков, что способствует установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Поэтому не любые материальные явления могут выступать в качестве вещественных доказательств.

Вещественные доказательства, как и любые другие, должны отвечать требованиям относимости.

Согласно ч. 1 ст. 81 УПК вещественными доказательствами по уголовному делу признаются любые предметы:

- 1) которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления;
- 2) на которые были направлены преступные действия;

2.1) деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления;

3) иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Предметы, которые сохранили на себе следы преступления, - это его следы, т.е.: а) отображения материальных объектов, воспроизводящие их внешнюю форму, например следы рук, транспорта, орудий взлома; б) пятна (частицы) различных веществ и т.п.

Деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, - это отечественная и иностранная валюта, драгоценности и вещи, которые оказались во владении, пользовании и распоряжении подозреваемого или обвиняемого непосредственно в результате совершения преступления (похищенное в результате кражи, грабежа, разбоя, бандитского нападения, полученное в виде взятки и т.п.), а также индивидуально определенное имущество, опосредованно приобретенное на полученное в результате совершения преступления (дом, дача, построенные или купленные на деньги, полученные в результате хищения, мошенничества, вымогательства, взяточничества; автомашина, купленная на деньги, которыми обвиняемый завладел в результате бандитского нападения и убийства потерпевшего).

Вещественными доказательствами могут служить лишь такие предметы, смысл и назначение которых доступны обыденному восприятию, которые можно использовать в доказывании в судебном заседании, т.е. на публике, передавая из рук в руки (стороны вправе осматривать их). Не может быть приобщено к уголовному делу в качестве вещественного доказательства одушевленное существо, например похищенное и изъятое при обыске животное, потому что оно не является предметом и не может подвергаться исследованию судом и сторонами в зале судебного заседания, хотя и обладает признаками объекта преступного посягательства. Могут быть

приобщены в качестве вещественных доказательств и сыграть важную практическую роль в установлении истины по делу громоздкие предметы, например автомашина, служившая орудием убийства путем наезда, или самолет, подвергшийся захвату террористами и штурму спецподразделениями органов охраны правопорядка. Закон (ст. 284 УПК) предусматривает возможность исследования таких источников доказательств не только следователем, что не представляет проблемы вообще, но и всем составом суда по месту нахождения вещественного доказательства.

Изъятые в результате следственных действий (обыска, выемки и др.) предметы, вещи, валюта и ценности, обладающие признаками вещественных доказательств, осматриваются и приобщаются к уголовному делу постановлением дознавателя, следователя, прокурора, судьи или определением суда и хранятся по правилам ст. 82 УПК.

По решению суда либо с согласия владельца (поскольку речь идет об охраняемых Конституцией РФ отношениях собственности) вещественные доказательства могут быть также переданы для реализации с последующим зачислением вырученных средств на соответствующий депозитный счет. Сказанное относится прежде всего к скоропортящимся товарам и продукции, а также имуществу, подвергающемуся быстрому моральному старению, хранение которого затруднено или издержки по обеспечению специальных условий хранения которого соизмеримы с его стоимостью. Порядок хранения и реализации таких вещественных доказательств установлен Постановлением Правительства РФ от 23 августа 2012 г. № 848 «О порядке реализации или уничтожения предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено»[4], Постановлении Правительства РФ от 31 августа 2017 г. № 1062 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 23 августа 2012 г. № 848»[5,6].

Осужденным в соответствии с решением суда приходится возмещать ущерб не только потерпевшим, но и покрывать процессуальные издержки, возникшие в ходе следствия.

К таковым издержкам относятся, например, затраты бытового характера – на съем жилья, суточные, когда стороне процесса приходится отпрашиваться с работы, чтобы участвовать в следственных действиях, заседаниях суда. Платить нужно частным экспертам (однако в состав процессуальных издержек не входит стоимость судебной экспертизы в государственных учреждениях), переводчикам, привлекаемым психологам, педагогам и т. д. Денег стоит хранение и перевозка вещественных доказательств по делу, услуги адвокатов, привлекаемых потерпевшей стороной.

Решение принимается судом: издержки могут лечь на федеральный бюджет либо, что часто случается, непосредственно на осужденного. В итоге, отправляясь в тюрьму, гражданин «прозревает»: ему сообщают, что за «бесплатного» адвоката придется заплатить. К сожалению, на стадии следствия его, как правило, никто об этом не предупреждает.

Суд может освободить от возмещения затрат на «бесплатного» адвоката, если обвиняемый признал вину, не чинит препятствий расследованию уголовного дела. В этом случае (либо если подследственный гол как сокол) адвокат получает вознаграждение из бюджетных денег.

Следует отметить, что «бесплатные» адвокаты недовольно реагируют на решения судов о возмещении процессуальных издержек подсудимыми. Ведь человек, отправившийся в тюрьму, как правило, ничего не имеет за душой. Да и где гарантия, что, проведя долгие годы за решеткой, он будет думать о том, как побыстрее рассчитаться по долгам.

Кроме комплекта документов и иллюстративных материалов, о которых шла речь выше, к уголовному делу может быть приобщен образец вещественного доказательства, достаточный для сравнительного

исследования. Существуют также специальные нормативные акты, в которых определены правила обращения с такими вещественными доказательствами, как огнестрельное и холодное оружие, взрывчатые вещества, награды и документы к ним, наркотические вещества, паспорта и военные билеты, изделия из драгоценных металлов и сами драгоценные металлы, деньги и облигации, спиртосодержащие жидкости и др.

Согласно подп. «б» п. 1 ч. 2 ст. 82 УПК в отдельных случаях вещественные доказательства могут быть возвращены их владельцам и до завершения производства по уголовному делу. Это возможно в ситуациях, когда собственник вещественного доказательства очевиден, принадлежность вещи бесспорна, свою роль в доказывании она либо уже сыграла, либо тщательный осмотр и фотографирование делают ненужным дальнейшее удержание в распоряжении органа расследования или суда.

1.3 Соотношение вещественных доказательств и иных доказательств в уголовном процессе

В ходе работы над настоящим исследованием изучалась судебная практика, а также материалы судебной практики Конституционного Суда РФ с целью, в частности, обнаружения ситуаций, которые могут рассматриваться как злоупотребление своими дискреционными полномочиями, допускаемое уполномоченными должностными лицами и органами (следователями, дознавателями, судьями). Как злоупотребление дискреционными полномочиями, допускаемое следователями, дознавателями, судьями, мы расценили обнаруженные нами при изучении материалов судебной практики факты использования ими своих полномочий по применению норм, входящих в правовой институт вещественных доказательств (признавать/не признавать объекты вещественными доказательствами, определять оптимальный режим их хранения либо передавать их на реализацию), для

достижения целей, не связанных с доказыванием (т.е. не для обеспечения сохранности доказательств в целях беспрепятственного установления истины по уголовному делу, а, например, для обеспечения реализации имущественных интересов потерпевшего, будущей конфискации имущества, в качестве меры обеспечения иска, в целях приостановления или прекращения деятельности, продолжение которой может привести к совершению новых преступлений).

Например, по уголовному делу № 990280, расследуемому 4 Следственным управлением СК РФ в Екатеринбурге, судом был снят арест, ранее наложенный на объект незавершенного строительства (здание рыночного комплекса с автостоянкой). «Обвиняемый по этому делу находился в розыске. Следователем данный объект незавершенного строительства был признан вещественным доказательством, приобщен к уголовному делу, а затем передан на ответственное хранение потерпевшему, не являющемуся его собственником. При этом следователем потерпевшему было дано официальное разъяснение, согласно которому потерпевший вправе пользоваться данным объектом, в том числе сдавать его помещения в аренду, получая от этого доходы. Уголовное дело затем было приостановлено. Собственник данного объекта - ООО «Премиум», который (уже после принятия указанного решения) достроил данный объект, решил все споры относительно него в арбитражном суде, выплатил потерпевшему суммы, установленные арбитражным судом в качестве реституции, не мог добиться ни того, чтобы этот объект был исключен из числа вещественных доказательств, ни, хотя бы, того, чтобы было принято решение о передаче данного объекта на его (ООО «Премиум») ответственное хранение. Очевидно, что обсуждаемые решения были приняты следователем отнюдь не для того, чтобы объект был сохранен в неизменном виде до момента судебного разбирательства по делу, а, напротив, для того, чтобы предположительно имеющееся у потерпевшего право на компенсацию вреда,

причиненного преступлением, было реализовано, еще до принятия окончательного решения по делу и, несмотря на то, что обвиняемый скрылся»[9].

По уголовному делу по обвинению мэра г. Томска А.С. Макарова суд отказался наложить арест на часть предметов и денежных средств, обнаруженных при обысках у третьих лиц и изъятых у обвиняемого при производстве следственных действий, так как пришел к выводу о том, что нет данных о том, что такое имущество было приобретено в результате деяния, инкриминируемого обвиняемому, либо что изъятые в ходе следственных действий денежные средства были получены преступным путем. Однако следователь признал все имущество, на которое суд отказался наложить арест, вещественными доказательствами по делу и постановил хранить их при уголовном деле. В обвинительном приговоре суд, разрешая судьбу данных вещественных доказательств, постановил: хранить их по месту нахождения до исполнения приговора суда в части штрафа, конфискации имущества, полученного преступным путем, а также для обеспечения решения суда в части гражданских исков. Очевидно, что в данном случае целью хранения денег в качестве вещественных доказательств было обеспечение исков, предъявленных к осужденному, а также обеспечение исполнения им наказания в виде штрафа. Следует отметить и то, что к моменту условно-досрочного освобождения осужденного вещественные доказательства - денежные средства, изъятые в ходе расследования у него и третьих лиц, оказались бесследно утраченными. Таким образом, отказ суда наложить арест на часть изъятых при обысках объектов и использование «взамен» ареста режима признания их вещественными доказательствами привели не к повышению уровня защищенности интересов участников процесса, а, напротив, к его снижению.

По уголовному делу по факту незаконного изготовления неустановленными лицами немаркированных табачных изделий,

подлежащих маркировке, решения о признании производственного оборудования (линии по производству и упаковке сигарет) вещественным доказательством по делу и о хранении его на специализированном складе, расположенном в ином населенном пункте, очевидно, имели своей целью не только (а может быть и не столько) обеспечение неприкосновенности и сохранности этих объектов до момента судебного разбирательства в целях использования в доказывании, но и прекращение в дальнейшем деятельности по производству немаркированных табачных изделий [11].

Конституционный Суд РФ в своих актах признает, что, как минимум, в некоторых ситуациях нормы правового института о вещественных доказательствах используются для достижения целей, выходящих за пределы обеспечения беспрепятственного доказывания по делу, и пытается, с использованием доступных ему средств, создать правовой механизм, необходимый для обеспечения прав лиц, чье имущество признается вещественным доказательством по делу, изымается, передается на хранение или на реализацию.

Данная ситуация ставит перед юридической наукой следующие вопросы:

является ли принятие решения о признании объекта вещественным доказательством, об установлении порядка его хранения, о передаче его на реализацию, уничтожение, о передаче животных для содержания и разведения мерами уголовно-процессуального принуждения? Если да, то каковы реальные цели, которые призваны реализовывать эти меры принуждения?

если фактические цели избрания данных мер выходят за пределы целевого предназначения правового института вещественных доказательств, то не имеется ли в их числе таких целей, которые вполне оправданны публичными интересами, соответствуют назначению уголовного процесса и поэтому должны легально признаваться и правомерно реализовываться в

ходе уголовного судопроизводства, в том числе путем создания (законодателем) и применения (следователем, дознавателем, судом) специфических мер уголовно-процессуального принуждения, направленных на достижение именно этих целей?

Каким требованиям должен удовлетворять правовой механизм, направленный на то, чтобы применение норм института вещественных доказательств не становилось средством для неоправданного ограничения права лица на владение, пользование и распоряжение своим имуществом (в особенности на неопределенный срок) или для лишения лица его имущества без необходимых оснований и должного судебного контроля? Оправданна ли его дифференциация в зависимости от того, осуществляется ли судопроизводство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности или по делам об «общеуголовных» преступлениях (введенная законодателем (положения ст. 81.1 УПК РФ) и предложенная Конституционным Судом РФ)?

Традиционно в российской юридической литературе отсутствует согласие относительно определения перечня мер уголовно-процессуального принуждения, что является результатом предпочтения различными авторами более «широких» или более «узких» трактовок содержания понятия «меры уголовно-процессуального принуждения». Так, сторонники «узкого подхода» относят к числу мер принуждения лишь те меры, которые предусмотрены в разд. IV УПК РФ [19, с. 125]. Согласно данной позиции следственные действия не являются мерами уголовно-процессуального принуждения, даже если они влекут за собой возможность применения принуждения. Однако принудительные меры здесь представляют собой лишь гарантии, обеспечения беспрепятственного производства следственных действий, имеют вспомогательный характер при достижении специфических целей конкретного следственного действия, не совпадающих с целью применения принуждения. Напротив, сторонники максимально «широкого» подхода к

понятию уголовно-процессуального принуждения отождествляют уголовно-процессуальное принуждение не только с применением физического насилия, действиями или решениями, приводящими к ограничению прав участников процесса, но и с психологическим воздействием на участников, имеющим место в связи, например, с разъяснением им их обязанностей и ответственности. Это приводит к тому, что в качестве мер уголовно-процессуального принуждения авторами, придерживающимися данного подхода, рассматриваются не только следственные действия, но и такие, например, действия, как уведомление следователем эксперта об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение и составление протокола следственного действия. Наконец, третья группа авторов придерживается более компромиссного подхода. Принимая за основу широкий подход к пониманию мер процессуального принуждения, они одновременно считают необходимым дифференцировать меры принуждения в уголовном процессе в зависимости от их направленности. В результате, не отрицая ни принудительного характера следственных действий, ни того, что принуждение в следственных действиях является лишь способом их осуществления и его применение подчинено достижению доказательственных целей конкретного следственного действия, данные авторы считают необходимым рассматривать следственные действия, обладающие принудительным характером, как самостоятельную группу мер (видов) уголовно-процессуального принуждения, отличающуюся по своим целям от мер уголовно-процессуального принуждения, предусмотренных разд. IV УПК РФ. Анализ указанных и других работ, посвященных проблематике мер уголовно-процессуального принуждения, дает возможность вычленить критерии, на основе которых подлежит разрешению вопрос о том, является ли та или иная мера мерой уголовно-процессуального принуждения, и если да, то какое место она должна занять в системе мер уголовно-процессуального принуждения. Часть из этих критериев

(законность мер принуждения, применение их только в ходе уголовно-процессуального производства, только управомоченными субъектами) имеет в достаточной степени формальный характер, и решения о признании/непризнании объектов вещественными доказательствами и определении режима их хранения и их судьбы в процессе производства по делу, несомненно, этим критериям удовлетворяют. Более важными для определения места признания объекта вещественным доказательством по отношению к системе мер уголовно-процессуального принуждения являются содержательные критерии: 1) происходит ли в случае принятия управомоченным органом того или иного решения ограничение каких-либо прав и свобод участников процесса или третьих лиц; 2) если да, то какой характер носит это ограничение (насколько важные права и свободы ограничиваются; является ли ограничение «разовым» или оно имеет временный или даже постоянный характер); 3) каковы конкретные цели такого ограничения. При этом наличие самостоятельной цели, соответствующей назначению уголовного процесса, публичным интересам в уголовном судопроизводстве должно предопределять существование одной или нескольких (отличающихся по степени строгости воздействия) самостоятельных мер уголовно-процессуального принуждения. В свою очередь, содержание принуждения, степень его строгости (интенсивности) и продолжительности должны предопределять процедуру его применения [20, с. 25.].

С этой точки зрения разд. IV УПК РФ должен включать все те меры, которые: а) представляют собой меры уголовно-процессуального принуждения; б) в силу особенностей содержания принуждения, степени его строгости (интенсивности) и продолжительности требуют подробной регламентации оснований и механизма их применения, особенностей судебного контроля за их применением. К сожалению, нетрудно заметить, что сейчас разд. IV УПК РФ этим требованиям не удовлетворяет. Например,

в нем содержится регламентация применения обязательства о явке, несмотря на то, что эта мера не носит принудительного характера и не ограничивает права и свободы участника, но в то же время в УПК РФ вообще и в разд. IV УПК в частности, отсутствует сколько-нибудь подробный правовой механизм решения вопроса о помещении подозреваемого, обвиняемого в медицинскую организацию для производства стационарной судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, в связи с чем на практике встречается произвольное, безосновательное помещение обвиняемого на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу с целью исключения воспрепятствования им производству по делу.

Если же мы проанализируем на основе изложенных критериев дискреционные полномочия, предоставленные следователю, дознавателю, суду нормами, входящими в правовой институт вещественных доказательств, то увидим следующее:

До решения вопроса о признании/непризнании объектов вещественными доказательствами они предварительно должны быть изъяты, причем такое изъятие осуществляется в порядке, лежащем за пределами регулирования данного института (в ходе выемки, обыска, осмотра места происшествия). Закон не предусматривает возможности решения вопроса о признании вещественными доказательствами ранее не изъятых предметов. Поэтому Конституционный Суд РФ не вполне прав, как представляется, утверждая, что нормы УПК РФ соответствуют Конституции РФ, поскольку дознаватель, следователь и затем суд, решая вопрос о признании имущества вещественным доказательством, должны определять, подлежит ли это имущество изъятию с учетом конкретных обстоятельств дела. Для того, чтобы у правоприменителя была возможность реализовать данную правовую позицию Конституционного Суда РФ, УПК РФ должен предусматривать возможность осмотра и признания объектов вещественными доказательствами до решения вопроса об их изъятии. В настоящее же время

решению вопроса о признании предмета вещественным доказательством предшествует период правовой неопределенности, в ходе которого объект уже изъят у собственника или иного владельца, но вопрос о том, будет ли он признан вещественным доказательством, еще не разрешен. Продолжительность этого периода определяется законодателем различным образом, в зависимости от того, отнесено ли расследуемое уголовное дело к числу дел о преступлениях в сфере экономики или нет (ч. 4 ст. 81 УПК РФ и ст. 81.1 УПК РФ). Мы абсолютно согласны с мнением В.Н. Григорьева, что такого рода «дифференциация» не оправданна и представляет собой отступление от конституционного требования запрета дискриминации. Таким образом, от момента изъятия объектов в ходе следственных действий до момента принятия решения о признании их (или части из них) вещественными доказательствами и далее, вплоть до момента их возвращения лицам, у которых они были изъяты, права собственника или иного владельца на владение и пользование такими объектами ограничены. Этот промежуток времени имеет продолжительный характер и, по общему правилу, не ограничен определенными сроками [28].

Само по себе решение о признании предмета вещественным доказательством, вроде бы, не ограничивает прав участников процесса. Однако такое решение является основой для возможного дальнейшего ограничения прав участников на владение, пользование, распоряжение этим имуществом, а в ряде случаев фактически влечет за собой ряд иных негативных последствий. Так, признание объекта орудием преступления означает возможность практически автоматического решения вопроса о его конфискации в дальнейшем и, тем самым, ограничивает возможность лица соглашаться на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Решения о наложении ареста на имущество, о передаче его на хранение в уполномоченную организацию или частному предпринимателю [11] или

передаче на ответственное хранение законному владельцу ограничивают права собственника или иного лица, у которого такое имущество было изъято, на владение и пользование такими объектами, причем промежуток времени, в течение которого допускается такое ограничение, имеет продолжительный характер и может становиться неопределенно длинным в случае приостановления производства по делу (за исключением ситуации наложения ареста на имущество - ч. 3.2 ст. 6.1 УПК РФ).

Нередки случаи, когда работники ответственных за хранение имущества органов накладывают свои руки на вещественные доказательства и присваивают их себе.

Так, мобильный телефон iPhone 5 стоимостью более 25 тыс. рублей пропал из камеры хранения Кировского районного отдела полиции г. Новосибирск в конце 2016 года. Подозреваемого в краже вскоре удалось вычислить. Им оказался 35-летний сотрудник, ответственный за приём, учёт и хранение вещественных доказательств. По версии следствия, он воспользовался служебным положением и выкрал дорогой iPhone. Похищенное вещественное доказательство мужчина продал. Как отмечают в пресс-службе УМВД по Новосибирской области, в 2017 году его уволили за проступок, порочащий честь сотрудника полиции. Непосредственных руководителей привлекли к строгой дисциплинарной ответственности.

За кражу телефона Кировский районный суд приговорил нечистого на руку полицейского к двум годам лишения свободы. Осужденный попытался обжаловать приговор в суде высшей инстанции. Однако и областной суд оставил приговор без изменения.

Так, советский районный суд Брянска удовлетворил ходатайства следствия о временном отстранении от занимаемых должностей начальника УМВД по Брянску и троих его подчиненных. Также отстранены от должностей начальник отделения и старший оперуполномоченный отделения №3 отдела экономической безопасности и противодействия коррупции по

Брянску, помощник начальника по тылу медико-санитарной части МВД по Брянской области, ранее занимавший должность начальника УЭБ и ПК УМВД России по региону.

Все четверо являются обвиняемыми по делу о превышении должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ).

Как показала проведенная прокуратурой совместно с региональным управлением ФСБ проверка, по материалам которой возбуждено уголовное дело, в результате принятия сотрудниками внутренних дел незаконного решения о возврате вещественных доказательств по уголовному делу произошла утрата немаркированных табачных изделий общей стоимостью свыше 4 млн рублей.

Решения о передаче объектов для реализации, о их уничтожении, о передаче животных для содержания и разведения окончательно лишают собственника или законного владельца его имущества, признанного вещественным доказательством, без вступившего в законную силу приговора, которым решается вопрос об этом имуществе как вещественном доказательстве.

Таким образом, как признание вещественным доказательством, так и хранение изъятых объектов до решения вопроса о признании вещественным доказательством, принятие решений о режиме хранения вещественных доказательств, их реализации или уничтожении являются мерами уголовно-процессуального принуждения (как минимум, в широком смысле), так как существенно и на продолжительный срок ограничивают права и законные интересы лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство [29, с. 25].

Что касается реальных целей принятия соответствующих решений, то, как мы уже показали, они не всегда совпадают с целью обеспечения сохранности вещественных доказательств, выходя за ее пределы или даже противореча ей. Так, например, нам представляется обоснованным особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Жилина, согласно которому

«реализация вещественного доказательства до разрешения уголовного дела по существу с еще большей очевидностью создаст ущерб для доказывания, чем это было бы при передаче соответствующего имущества его законному владельцу». Очевидно, что цели принятия решений о передаче объектов для реализации, о их уничтожении, о передаче животных для содержания и разведения не имеют ничего общего с целью обеспечения сохранности вещественного доказательства. В то же время мы видим два варианта развития событий, при которых такие решения становятся оправданными: 1) в случае, если речь идет о вещах, изъятых из гражданского оборота, либо о тех объектах, хранение которых (вообще или их законным владельцем) может причинить вред окружающим, Как пример можно предложить ситуацию содержания в квартире диких животных, могущих причинить вред другим людям. В этом случае есть необходимость для введения в УПК РФ новой меры принуждения (или нового основания для наложения ареста на имущество), осуществляемой временно в целях последующего решения в порядке гражданского судопроизводства вопроса о лишении лица права собственности или права владения имуществом, в общественных интересах; 2) возвращение законному владельцу имущества, требующего попечения (например, стадо коров), может привести к негативным последствиям, если этот владелец не способен о нем позаботиться в связи с производством по делу (находится под стражей). В таком случае решение вопроса о судьбе такого имущества представляет собой не что иное, как способ попечения об имуществе лица, в отношении которого ведется уголовное судопроизводство (или потерпевшего, находящегося на лечении, например). Такие меры должны рассматриваться именно в качестве мер попечения об имуществе участников процесса и могут в таком качестве, по нашему мнению, применяться только с согласия заинтересованного лица либо по его просьбе.

Реальной целью принятия решения о передаче вещественных доказательств на хранение, как мы уже указали в начале статьи, может в

конкретной ситуации явиться необходимостью приостановления или прекращения какой-либо деятельности (в том числе производственного процесса), если продолжение этой деятельности может привести к совершению нового преступления либо к другим негативным последствиям. Это может быть, например, деятельность, не соответствующая требованиям безопасности, могущая привести к негативным последствиям для экологии, и т.д. Публичный характер уголовного процесса требует наличия в распоряжении уполномоченных органов специализированных мер принуждения, направленных на решение этого вопроса.

Требует, на наш взгляд, отдельного обсуждения вопрос о том, допустимо ли для достижения вполне легальной цели компенсации вреда, причиненного преступлением потерпевшему, использовать в качестве самостоятельного вида меры принуждения передачу потерпевшему права владения и пользования имуществом, изъятым в ходе уголовного судопроизводства, если к моменту принятия решения о приостановлении производства по уголовному делу собственник или иной законный владелец такого имущества не установлен либо он скрывается от следствия и суда. На наш взгляд, появление такой меры, как минимум, возможно, при условии, что она будет иметь «обратимый» характер и отменяться в случае появления в процессе лица, претендующего на данное имущество [21, с. 25].

Что же касается правового механизма, который должен использоваться для решения вопроса о применении предлагаемых нами новых мер принуждения и меры уголовно-процессуального принуждения в виде признания объекта вещественным доказательством и определения режима его хранения, то такой механизм должен в любом случае включать:

указание на четкие критерии ограничения прав и обязательность обоснования необходимости такого ограничения;

определение объема и продолжительности ограничения прав и проверку его соразмерности (в том числе с учетом правового положения

участника процесса, тяжести обвинения), недопустимость установления ограничений прав без ограничения их продолжительности;

обеспечение реального судебного контроля за ограничением прав (или превентивного, или последующего), наличие у суда обязанности проверить примененное ограничение прав как с точки зрения вопросов права (законность), так и с точки зрения вопросов факта (его обоснованность, целесообразность, соразмерность).

Кроме того, мы полагаем недопустимым при регламентации такого правового механизма использование подхода, избранного Конституционным Судом РФ в постановлении от 11 января 2018 г. № 1-П, постольку, поскольку он предполагает безосновательное наличие различий в обращении в зависимости от того, осуществляется ли судопроизводство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности или по делам об «общеуголовных» преступлениях.

2 Проблемы процессуального механизма истребования, исследования и оценки вещественных доказательств по уголовным делам

2.1 Процессуальный порядок сбора вещественных доказательств

В уголовном судопроизводстве это любые фактические данные (сведения), отраженные в различных документах и вещественных доказательствах. В данном случае документирование как средство фиксации сведений в документах, позволяющее идентифицировать отраженные в них данные, лежит в основе процесса доказывания по уголовному делу. Порядок получения доказательств, их сбора, проверки, оценки и использования регламентирован УПК.

Выявленные и представленные сторонами уголовного процесса суду многочисленные вещественные, документальные и иные доказательства всегда служат для подтверждения истинности, верности, реальности, наличия или отсутствия тех или иных искомых по уголовному делу конкретных фактов и обстоятельств, которые подлежат сбору, проверке, оценке и логическому доказыванию по уголовному делу, равно как и иных обстоятельств, которые могут иметь разное юридическое значение для вынесения правильного решения по рассматриваемому уголовному делу. Предмет доказывания может меняться в своем объеме при разбирательстве конкретных уголовных дел. К примеру, в соответствии со ст. 421 УПК РФ предметом доказывания по делам о несовершеннолетних, наряду с установлением обстоятельств, предусмотренных в ст. 73 УПК РФ, является также выявление обстоятельств относительно реального возраста потерпевшего лица, образа и условий его жизни до совершения им преступления, различных факторов влияния на него со стороны иных лиц, особенно более взрослых людей из его ближайшего окружения [30, с. 14].

Как видим, в предмет следственного и судебного доказывания

включаются тот круг конкретных вопросов и обстоятельств по уголовному делу, который имеет четкий уголовно-процессуальный смысл, целенаправленный содержательный контекст, который позволяет всем сторонам уголовного судопроизводства, и в особенности судьям, верно разрешить рассматриваемое уголовное дело по существу. В зависимости от различных оснований и признаков источники судебных доказательств могут быть оценены (классифицированы) по различным видам. В этом смысле выявленные сторонами уголовного процесса и представленные суду доказательства могут быть прямыми и косвенными, непосредственными и производными, обвинительными и оправдательными, личными и вещественными, относимыми, допустимыми, достаточными и т.д [26, с. 25].

Вышестоящий суд может в любой момент в рамках апелляционного производства отменить решение суда, в случае, когда судом не проводится оценка процесса сбора доказательств. Так, в Апелляционном определении Челябинского областного суда от 08 сентября 2016 г. по делу № 10-4339/2016 [13] судом не дана оценка процессу сбора доказательств следствием, вещественные доказательства собраны не в полном объеме, не со всех мест (работы, предполагаемых мест совершения преступления). Требования защиты об истребовании дополнительных доказательств, предложения свидетелей о представлении документов по запросу суда остались без внимания суда.

В приговоре не дана оценка относимости вещественных доказательств. Формы учета диспансеризации свидетелям не предъявлялись. Свидетели по-разному называют и трактуют документы, конкретизация документов не проводилась.

В ряде постсоветских государств (в Казахстане, на Украине, в Прибалтийских странах и др.) в последние годы в рамках реформирования уголовного процессуального законодательства вводится новый институт негласных следственных действий - с разработкой перечня соответствующих

мероприятий, определением порядка их проведения, а также приданием их результатам статуса полноценных доказательств. При этом неизбежно затрагиваются вопросы о необходимости автономного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности (далее - ОРД) и об использовании непроцессуальной информации в доказывании по уголовным делам.

Изменения сопровождаются острыми научными дискуссиями. В настоящее время сформировались два основных подхода к данным преобразованиям. Согласно первому из них ОРД подлежит процессуализации, т.е. ее мероприятия должны приобрести свойства следственных действий специального характера, а результаты - свойства доказательств. Тем самым преодолевается разграничение процессуальной и непроцессуальной деятельности, а инструментарий следователя пополняется средствами, позволяющими быстрее и эффективнее собирать информацию о преступлении. Сторонники этой точки зрения приводят, в частности, довод о том, что параллельное сосуществование уголовного процесса и ОРД характерно лишь для постсоветских государств и не знакомо странам Европы и США, в законодательстве которых урегулированы именно специальные следственные действия [24, с. 10].

Второй подход основан на резком неприятии введения в уголовное судопроизводство каких-либо институтов, имеющих негласную природу. Это обосновывается, в частности, тем, что подобные реформы несут в себе риск деформации процесса, наполнения его чужеродными конструкциями, не отвечающими требованиям, предъявляемым к классическим следственным действиям, что не лучшим образом сказывается на порядке проведения расследования по уголовному делу и гарантиях прав личности. Относительно сведений, получаемых в результате негласных действий, утверждается, что последние уступают по своему качеству уголовно-процессуальным доказательствам и не могут использоваться наравне с ними в рамках

доказывания.

Отечественный законодатель строго придерживается второго из указанных подходов. Одновременно российская юридическая мысль с большим вниманием относится к происходящим в соседних государствах правовым реформам, в частности в области расследования преступлений. Национальные законодатели на постсоветском пространстве, пошедшие по пути создания в уголовном процессе нового института негласных следственных действий, сталкиваются со схожими проблемами; в научных сообществах данных государств поднимаются вопросы, аналогичные тем, которые обсуждаются в отечественной юридической науке.

Исходя из этого полезно рассмотреть правовой опыт постсоветских государств в области правового регулирования следственных действий, в частности негласных мероприятий в уголовном процессе. С учетом данной задачи можно выделить две группы стран:

1) сохранившие в национальном законодательстве классический набор следственных действий без выделения специальной категории негласных мероприятий (Азербайджан, Белоруссия, Россия, страны Средней Азии, за исключением Казахстана);

2) предпринимающие попытки ввести новый институт негласных (специальных) следственных действий (Армения, Грузия, Казахстан, Киргизия, страны Прибалтики, Украина и др.).

В настоящем исследовании нам интересны законодательства государств второй группы. Отметим, что в уголовном процессе стран первой группы имеются следственные действия, содержание которых косвенно позволяет определить их как негласные. Однако в официальных нормативных актах таковыми они не именуются, и ученые ведут дискуссии об их природе. Так, согласно УПК Республики Беларусь (далее - УПК РБ), к числу следственных действий, направленных на получение информации о преступлении через ограничение основных прав граждан, относятся

наложение ареста на почтово-телеграфные и иные отправления (ст. 213 УПК РБ), прослушивание и запись переговоров (ст. 214 УПК РБ).

Действующий УПК Российской Федерации (далее - УПК РФ) предусматривает аналогичные следственные действия - наложение ареста на почтово-телеграфные отправления (ст. 185), контроль и запись переговоров (ст. 186), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1), существо которых в настоящее время продолжает оставаться предметом серьезной полемики.

Вместе с тем уголовно-процессуальное законодательство стран первой группы, несмотря на наличие следственных действий, имеющих определенный элемент негласности, по-прежнему основано на отграничении подобных мероприятий от ОРД, а также на непризнании за ее результатами статуса доказательств. Так, в УПК РБ действует положение о том, что материалы ОРД могут быть признаны в качестве источников доказательств только при условии, если они получены и предоставлены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, проверены и оценены в порядке, установленном УПК РБ (ст. 101). Согласно ст. 89 УПК РФ результаты ОРД запрещено использовать в рамках доказывания по уголовному делу, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам [32, с. 113].

Необходимо отметить возросшее за последние десятилетия влияние наднациональных норм на изменение внутреннего законодательства постсоветских стран в сфере негласного вмешательства в личную жизнь, отправление корреспонденции и др.

Большое значение для европейских стран имеет практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), в своих решениях неоднократно обращавшегося к проблеме использования негласных инструментов при расследовании преступлений. Основываясь на нормах Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., где в ч. 2 ст. 8 прямо запрещается «вмешательство публичных властей в осуществление права на уважение

личной и семейной жизни, жилища и корреспонденции», ЕСПЧ установил, что исключение составляют случаи, когда «вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, охраны здоровья или нравственности либо для защиты прав и свобод других лиц».

Еще в 70-х годах прошлого века ЕСПЧ обозначил позицию, остающуюся актуальной до настоящего времени, указав на два фактора, влияние которых на развитие законодательства в целом и на уголовный процесс в частности весьма существенно: технические достижения в области средств шпионажа и наблюдения и развитие терроризма в Европе. Современное государство обязано разработать эффективные меры противодействия новым формам преступности, в том числе путем негласного наблюдения за «подрывными элементами». Признав, что сама природа и логика тайного наблюдения определяют неосведомленность заинтересованного лица не только об осуществлении подобного рода негласных мероприятий, но и о надзоре за их проведением, ЕСПЧ рекомендовал, чтобы установленные процедуры данных действий были также своего рода гарантиями защиты прав граждан.

Наряду с правовыми актами обязательного характера на европейском пространстве действуют также рекомендации Комитета министров Совета Европы. Для сферы правового регулирования уголовного процесса в части использования негласных способов получения доказательственной информации большое значение имеет Рекомендация «Об «особых методах расследования» тяжких преступлений, в том числе террористических актов» (далее - Рекомендация).

Особые методы расследования определяются в Рекомендации как меры, применяемые компетентными органами в области уголовных

расследований в целях раскрытия и расследования тяжких преступлений и установления подозреваемых и направленные на сбор информации таким образом, чтобы не вызвать подозрений у объекта расследования (разд. I Рекомендации).

Согласно Рекомендации от государств - членов Совета Европы требуется принятие надлежащих правовых норм, регулирующих порядок осуществления указанных методов, контроля за их использованием, условия допустимости доказательств, полученных в результате их проведения (п. «а» разд. II Рекомендации). Применение данных методов является вмешательством в основные права и свободы человека и гражданина, поэтому в каждом случае необходимо оценивать серьезность правонарушения, чтобы обеспечить соразмерность между последствиями использования указанных действий и поставленной целью, а также гарантировать право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство (п. «b» разд. II Рекомендации).

На основе положений данного международно-правового акта нельзя сделать однозначный вывод о необходимости включения указанных методов непосредственно в уголовный процесс. Норма Рекомендации, предписывающая принятие правил о допустимости сведений, получаемых в ходе применения специальных мероприятий (подп. 7 п. «b» разд. II Рекомендации), не исключает автономного правового регулирования самих данных мероприятий. Однозначно лишь предписывается, что результаты применения методов могут быть представлены в суде при наличии соответствующих процессуальных норм.

Чтобы проследить внедрение нового института негласных следственных действий на постсоветском пространстве, следует обратиться к положениям конкретных уголовно-процессуальных законов. Одними из первых после распада СССР к реформе института следственных действий

приступили государства Прибалтики. Данные изменения были проведены после принятия этих стран в Европейский союз [27, с. 5].

УПК Литовской Республики 2002 г. (далее - УПК ЛР) предусматривает следующие специальные следственные действия: 1) разведывательный опрос; 2) личную и тайную слежку; 3) оперативную проверку; 4) оперативный осмотр; 5) агентурный метод.

В то же время сохраняется автономный Закон об оперативной деятельности 2012 г., согласно которому полицейские агенты могут пользоваться методами сбора информации о преступлении только в качестве превентивных мер, а полноценное проведение мероприятий допускается в рамках УПК ЛР. В частности, в ст. 158 «Действия должностных лиц досудебного следствия без раскрытия своей личности» предусматривается проникновение в криминальную среду только в рамках расследования дел о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Принятый в 2005 г. УПК Латвийской Республики (далее - УПК Латвии) содержит главу 11 «Специальные следственные действия». К числу таковых относятся: 1) контроль за правовой перепиской; 2) контроль средств связи; 3) контроль данных в автоматизированной системе обработки данных; 4) контроль за содержанием передаваемых данных; 5) аудиоконтроль сайта или лица; 6) видеоконтроль сайта; 7) наблюдение и отслеживание лица; 8) наблюдение за объектом; 9) специальный следственный эксперимент; 10) приобретение в специальном порядке образцов, необходимых для сравнительного исследования; 11) контроль за преступной деятельностью.

Для проведения данных следственных действий или размещения необходимых для их обеспечения технических средств по постановлению следственного судьи разрешается тайное проникновение в публично недоступные места (ст. 215 УПК Латвии).

В статье 211 УПК Латвии предусмотрены ограничения на природу и назначение получаемой информации. В ходе специального следственного

действия фиксируется информация, полученная в связи с совершением преступлений средней тяжести, тяжкими или особо тяжкими, которая: «1) необходима для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном процессе; 2) указывает на совершение другого преступного деяния или на обстоятельства его совершения; 3) необходима для незамедлительного предотвращения существенной угрозы общественной безопасности».

При этом направляющее процесс лицо, привлеченные им лица, а также прокурор и следственный судья, осуществляющий надзор за специальными следственными действиями, должны осуществить все необходимые мероприятия для недопущения сбора и использования информации в иных целях (ч. 2 ст. 211 УПК Латвии).

Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии (далее - УПК Эстонии) претерпел серьезные изменения в ходе реформы 2012 г., когда утратил силу отдельный Закон об оперативно-розыскной деятельности 1994 г. Раздел 9 УПК Эстонии «Документ и вещественное доказательство» был дополнен специальной главой 3.1 «Оперативно-розыскные мероприятия», вступившей в силу 1 января 2013 г. Согласно ее положениям проведение ОРМ допустимо, если собирание доказательств путем иных процессуальных действий невозможно вообще, или в нужное время, или существенно затруднено, либо если это может нанести ущерб интересам уголовного производства (ч. 2 ст. 126.1 УПК Эстонии). Информация, полученная путем проведения ОРМ, признается доказательством, если при ходатайстве о выдаче разрешения на производство ОРМ и его проведении соблюдены требования закона.

Основаниями для производства ОРМ в соответствии с положениями УПК Эстонии являются: 1) необходимость сбора информации о приготовлении к преступлению с целью его обнаружения и пресечения; 2) исполнение постановления об объявлении в розыск; 3) необходимость сбора

информации в ходе конфискационного производства; 4) необходимость сбора информации о преступлении в ходе уголовного производства.

К числу ОРМ УПК Эстонии относят: 1) тайное наблюдение за лицом, предметом или местностью; 2) тайный сбор образцов сравнительного материала и проведение его первичных исследований; 3) тайный досмотр предмета и его подмену; 4) тайный досмотр почтового отправления; 5) тайные прослушивание и просмотр информации; 6) имитацию преступления; 7) использование полицейского агента (ст. 126.5-126.9 УПК Эстонии).

По общему правилу разрешение на проведение оперативно-розыскного мероприятия по УПК Эстонии дается прокуратурой или судьей предварительного следствия.

Весьма большое значение в контексте изменения правового регулирования следственных действий и ОРД имеют недавно принятые УПК Казахстана и Украины.

Глава 21 УПК Украины 2012 г. посвящена регулированию негласных следственных (розыскных) действий, определяемых как действия, сведения о факте и методах проведения которых не подлежат разглашению (ч. 1 ст. 246 УПК Украины). Данные действия проводятся в случаях, если сведения о преступлении и лице, его совершившем, невозможно получить иным способом.

В соответствии с положениями § 2 и ст. 260-264, 267-275 УПК Украины к негласным следственным действиям относятся: 1) аудио-, видеоконтроль лица; 2) наложение ареста на корреспонденцию; 3) осмотр и выемка корреспонденции; 4) снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей; 5) снятие информации с электронных информационных систем; 6) обследование публично недоступных мест, жилища или иного владения лица; 7) установление местонахождения радиоэлектронного средства; 8) наблюдение за лицом, вещью или местом; 9) мониторинг банковских счетов; 10) аудио-, видеоконтроль места; 11)

контроль за совершением преступления; 12) выполнение специального задания по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации; 13) негласное получение образцов, необходимых для сравнительного исследования; 14) использование конфиденциального сотрудничества.

Действия, предусмотренные ст. 269, 270, 271, 272 УПК Украины, а также те, решение о проведении которых принимает следственный судья, проводятся исключительно по уголовным делам в отношении тяжких или особо тяжких преступлений. В части 3 ст. 246 УПК Украины предусмотрено, что решение о проведении негласных следственных (розыскных) действий принимают следователь, прокурор, а в случаях, предусмотренных УПК Украины, - следственный судья по ходатайству прокурора или следователя, согласованному с прокурором. В силу ч. 4 ст. 246 УПК Украины исключительно прокурор вправе принимать решение о проведении такого действия, как контроль за совершением преступления.

Введение новых следственных действий в украинский уголовный процесс не повлекло отмену аналогичных положений, касающихся ОРД. Действующий Закон Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» в ст. 8 регулирует те же действия в качестве ОРМ. Осуществлять их разрешается согласно положениям соответствующих статей УПК Украины. Таким образом, в данном случае налицо двойственность правового регулирования, что вызывает сомнения в целесообразном устройстве такового.

В УПК Республики Казахстан 2014 г. (далее - УПК РК) негласные следственные действия понимаются как действия, проводимые в ходе досудебного производства без информирования вовлеченных в уголовный процесс лиц, интересов которых оно касается, в порядке и случаях, предусмотренных УПК РК [23, с. 17.].

В статье 231 УПК РК установлены десять негласных следственных

действий: 1) негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места; 2) негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи; 3) негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; 4) негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации; 5) негласный контроль почтовых и иных отправлений; 6) негласные проникновение и (или) обследование места; 7) негласное наблюдение за лицом или местом; 8) негласная контролируемая поставка; 9) негласный контрольный закуп; 10) негласные внедрение и (или) имитация преступной деятельности.

Согласно ч. 3 ст. 232 и ч. 1 ст. 234 УПК РК санкционирование первых шести негласных следственных действий осуществляется прокурором. В остальных случаях негласные следственные действия, за исключением негласного контроля почтовых и иных отправлений, производятся по поручению органа досудебного расследования уполномоченным подразделением правоохранительного или специального государственного органа с использованием форм и методов ОРД (ч. 2 ст. 232 УПК РК).

Казахстанский законодатель, как и украинский, не стал отказываться от отдельного правового регулирования ОРД применительно к расследованию преступлений, сохранив и ныне действующий Закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

Уголовно-процессуальный кодекс Грузии 2009 г. также предусматривает производство тайных следственных действий в целях обеспечения национальной или общественной безопасности, предотвращения беспорядков или совершения преступления, защиты интересов экономического благосостояния страны либо прав и свобод других лиц (ч. 1 ст. 143.2 УПК Грузии). Их проведение допускается только при наличии обстоятельств, подтверждающих, что следствие начато и (или) уголовное

преследование совершается ввиду умышленного совершения тяжкого и (или) особо тяжкого преступления или какого-либо из преступлений, предусмотренных рядом статей Уголовного кодекса Грузии (ч. 2 ст. 143.3 УПК Грузии).

Законом от 1 августа 2014 г. № 2634 в УПК Грузии была введена новая глава XVI.1 «Тайные следственные действия». Одновременно действие ее положений было распространено и на главу XVI, регулиующую следственные действия, связанные с компьютерными данными [19, с. 56].

Согласно ч. 1 ст. 143.1 существует несколько видов тайных следственных действий: 1) скрытое прослушивание и запись телефонных переговоров; 2) снятие и фиксация информации с канала связи (путем подсоединения к средствам связи, компьютерным сетям, линейным коммуникациям и станционной аппаратуре), с компьютерной системы (как непосредственно, так и дистанционно) и инсталляция в компьютерную систему с указанной целью соответствующих средств программного обеспечения; 3) контроль почтовых отправлений и телеграфных сообщений (кроме дипломатической почты); 4) скрытая видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка; 5) электронное слежение при помощи технических средств, использование которых не причиняет вреда жизни, здоровью людей и окружающей среде.

Часть 2 той же статьи допускает одновременное производство нескольких тайных следственных действий.

Следует отметить, что и здесь сохранил действие отдельный Закон «Об оперативно-розыскной деятельности», ссылка на который содержится в ст. 143.4 УПК Грузии. Согласно ей тайные следственные действия производит государственный орган с соответствующим полномочием в порядке, установленном УПК и указанным Законом.

Действующий УПК Республики Армения 1998 г. (далее - УПК РА) в числе следственных действий, ограничивающих основные права граждан и

требующих санкции суда на их проведение, содержит такие, как контроль корреспонденции, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 239 УПК РА) и прослушивание телефонных переговоров (ст. 241 УПК РА). В то же время ст. 240 УПК РА, регулирующая осмотр и выемку корреспонденции, подобного требования не содержит. Согласно ч. 1 данной статьи следователь под расписку знакомит с постановлением о производстве выемки начальника учреждения связи, а при необходимости - других служащих данного учреждения и с участием понятых из числа работников данного учреждения вскрывает и осматривает корреспонденцию [22, с. 12].

В 2010 г. в соответствии с Указом Президента Республики Армения начата разработка нового Уголовно-процессуального кодекса, а в марте 2011 г. принята концепция нового УПК РА. На ее основе был разработан проект, содержащий предложение расширить рамки судебного контроля за досудебным производством, предоставив суду на данной стадии больше возможностей. Например, тайные следственные действия (наружная и внутренняя слежка, контроль за перепиской и нецифровыми сообщениями, контроль за цифровыми, в том числе телефонными сообщениями, контроль за финансовыми операциями, имитация получения и дачи взятки) могут выполняться только по решению суда. Аналогично предлагается регулировать порядок проведения обысков, осмотров, изъятий в жилых помещениях; контроля за телефонными переговорами, почтовыми, телеграфными и другими сообщениями; собирания сведений, содержащих банковские, нотариальные, страховые тайны. Кроме того, в проекте нового УПК РА дознание включает в себя и ОРД, и выполнение тайных следственных действий.

Предпринята попытка реформирования уголовного процесса и в Кыргызской Республике (далее - КР) путем разработки соответствующего кодекса, который должен вступить в силу 1 января 2019 г. В числе прочих положений нового УПК КР - введение института специальных следственных

действий, т.е. действий, сведения о (средствах) методах и технологиях проведения которых составляют государственную и служебную тайну, не подлежащую разглашению, регламентированных ведомственными (государственными) нормативными актами специально уполномоченных на то органов. Эти действия проводятся лишь по решению суда на основании мотивированного ходатайства следователя (п. 45 ст. 5 нового УПК КР).

В главе 31 нового УПК КР названы следующие специальные следственные действия: 1) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и их осмотр и (или) выемка; 2) прослушивание переговоров; 3) получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами; 4) снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств; 5) аудио-, видеоконтроль лица или места; 6) наблюдение за лицом или местом; 7) проникновение и обследование нежилого помещения или иного владения лица; 8) получение образцов для сравнительного исследования специальным способом; 9) внедрение в преступную среду и (или) имитация преступной деятельности; 10) контролируемая поставка; 11) контрольная закупка.

Завершая обзор законодательства отдельных стран, отметим, что решение отдельных бывших республик СССР о включении негласной деятельности в уголовный процесс не означает полной инкорпорации соответствующих правовых норм в процессуальное законодательство. Исключение в виде отмены специального закона, регулировавшего автономную непроцессуальную ОРД, наблюдается лишь в Эстонии, ставшей первой и единственной страной на постсоветском пространстве, полностью отказавшейся от подхода к автономной организации ОРД.

В юридической литературе справедливо указывается, что рассмотренные специальные негласные следственные действия допускаются лишь в отношении некоторых категорий преступлений. В то же время

ставится под сомнение ситуация, при которой появление доказательств в результате ОРД - процесс избирательно допустимый [31, с. 17].

Сама суть негласных действий как серьезно ограничивающих основные конституционные права граждан такова, что их применение должно иметь веские причины, соизмеримые с тяжестью совершенного или подготавливаемого преступления.

Опыт развития постсоветских государств показывает, что полная инкорпорация ОРД в уголовный процесс невозможна ни в одном из двух представленных подходов. Автономия ОРД обусловлена как более широким кругом задач по сравнению с чисто процессуальным расследованием преступлений, так и отсутствием соответствующих надлежащих правовых гарантий, присущих производству по уголовным делам. Вопрос о расширении инструментария следователя и суда для получения доказательственной информации, в том числе негласными способами, требует создания соответствующей юридической конструкции негласных следственных действий, порядок назначения и проведения которых отличается от порядка назначения и проведения ОРМ (как неодинаково и правовое положение их результатов). В такой ситуации неизбежно возникает сомнение в целесообразности подобных реформ, поскольку оба подхода, несмотря на теоретические разработки и воплощение в праве, обнаруживают определенную незавершенность.

2.2 Исследование и оценка вещественных доказательств

В целях претворения краеугольного уголовно-процессуального принципа всестороннего, полного и объективного расследования истинных обстоятельств совершённого преступления представляется, что российские дознаватели, следователи, прокуроры и судьи обязаны своевременно оказывать всяческое организационное содействие потерпевшему и его

представителю-адвокату в необходимом и законном сборе тех важных для раскрытия события и состава предполагаемого или совершенного преступления доказательственных предметов и материалов дела, которые законодательно или фактически не совсем доступны для самого потерпевшего и его адвоката-представителя. К примеру, по ходатайству потерпевшего или его адвоката-представителя мировой судья может и обязан оказать им посильное содействие в своевременном собирании тех доказательственных данных, которые по очевидным причинам не могут быть получены самим потерпевшим и его адвокатом-представителем непосредственно или самостоятельно, в том числе и по причине их засекреченности, информационной или предметной недоступности.

В действующем российском уголовно-процессуальном законодательстве, к сожалению, нет четкого порядка представления и получения доказательств посредством составления соответствующего, совместно подписанного протокола, хотя в законодательстве некоторых других современных государств имеются специальные главы, целиком посвященные решению подобных вопросов. Например, главы 24 и 25 УПК Республики Узбекистан, которые устанавливают порядок принятия и приобщения к материалам уголовного дела доказательств, озаглавлены так: «Представление предметов и документов», «Приобщение к делу предметов и документов в качестве вещественных доказательств и письменных документов». Поэтому предлагается установить в российском уголовно-процессуальном законодательстве четкий порядок представления и приобщения к материалам уголовного дела вещественных доказательств. В этой связи ст. 87 УПК РФ следует именовать так «Правила представления, проверки и приобщения к делу доказательств» - и подробно описать в ней порядок представления, проверки и приема любых сведений и вещей, которые могли бы стать доказательствами по делу.

Судебная проверка и оценка собранных сторонами уголовного

процесса на стадиях дознания или предварительного следствия доказательств являются самостоятельным и заключительным этапом доказывания с целью выявления достоверности тех или иных наличных сведений о событии и способах совершения расследуемого преступления, а также о достоверности источника получения сведений, которые могут иметь доказательственное значение. В этом аспекте представляется, что под проверкой или исследованием истинности либо достоверности представленных в материалах уголовного дела доказательств нужно понимать процесс установления связанности или относимости, необходимости, допустимости, достоверности и достаточности полученных и представленных на рассмотрение суда доказательств для целесообразного их использования и подтверждения обоснованности и законности выбранной в уголовном процессе той или иной позиции или решения. Эта необходимая проверка доказательств, по сути, совершается на всех стадиях процесса доказывания тех или иных обстоятельств дела. Тщательной судебной оценке и проверке должны быть подвергнуты все без исключения собранные и представленные суду противоположными сторонами доказательства как в отдельности, так и в их совокупности с учетом реального события и истинных обстоятельств совершённого преступления или иного правонарушения.

На основании ст. 87 УПК РФ каждый проверяемый судом (обвинителями, защитниками и судьями) предмет доказательства необходимо логически осмыслить и разумно сопоставить с другими сопряженными доказательствами, которые имеются в материалах уголовного дела и которые могут достоверно подтвердить или разумно опровергнуть факт истинности того или иного относимого или допустимого доказательства по делу. Надлежащая проверка представленных суду доказательств по уголовному делу необходима потому, что, согласно ч. 2 ст. 17 УПК РФ, никакие представленные противоположными участниками уголовного судопроизводства предметы или материалы доказательства не могут иметь

для дознавателя, следователя, прокурора или судьи предсудительной и заранее установленной истинности и законной силы.

Верная полноценная проверка судом представленных сторонами уголовного процесса необходимых для вынесения обоснованного и законного решения или приговора доказательств представляют собой как бы начальный этап надлежащей оценки вещественных и иных видов письменных и иных документальных доказательств. Процессуальная оценка и признание предметов и документов вещественными доказательствами представляет собой решение, в котором констатируется значимость данных объектов для производства по уголовному делу. Данное решение оформляется соответствующим обоснованным и законным постановлением дознавателя или следователя, если это происходит на стадии предварительного расследования, и определением суда или постановлением судьи, если это имеет место в ходе судебного заседания.

Должная оценка и правоприменительное использование представленных суду доказательств в российском уголовном судопроизводстве являются целенаправленным и окончательным этапом всего процесса верного и достаточного доказывания и состоят в определении действительной правовой ценности имеющихся в уголовном деле фактов и обстоятельств, их юридической значимости для подтверждения тех или иных обстоятельств и вынесения обоснованных судебных решений, обвинительных или оправдательных приговоров. Общие правила для надлежащей правомерной оценки судебных доказательств устанавливаются в ст. 88 УПК РФ, согласно которой каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности с точки зрения их достаточности для разрешения уголовного дела. Каждое доказательство подлежит оценке с учетом всей совокупности имеющихся в материалах уголовного дела иных доказательств.

Порядок должного понимания и признания сторонами уголовного процесса и судьями доказательств недопустимыми после поступления дела в суд предусмотрен правилами, установленными в ст. 229, 234-236 УПК РФ. Согласно определению Конституционного Суда РФ от 27 мая 2004 г. № 183-О статья 17 УПК РФ предписывает осуществлять должную оценку полученных и представленных доказательств по уголовному делу по внутреннему личному убеждению, доброй совести, духовным и нравственным принципам и совокупности иных собранных по делу материалов, а не бессовестную, неправомерную и произвольную оценку вещественных или письменных доказательств для пристрастного и предвзятого принятия не совсем обоснованных и правомерных судебных решений или несправедливых приговоров. Соблюдение духовных и нравственных принципов и норм и должное следование требованиям доброй совести могут стать весьма важными или дополнительными гарантиями, которые определяют достаточную обоснованность, правомерность, законность и справедливость принимаемых в уголовном процессе судом разных решений, постановлений и приговоров согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ и ст. 297 и 383 УПК РФ.

Относительно правомерного критерия «достаточности доказательств» уместно заметить, что часть 2 ст. 140 УПК РФ, которая для возбуждения уголовного дела требует наличия достаточных данных, к сожалению, не определяет и не устанавливает такого важного критерия для надлежащего и своевременного определения соответствующих признаков предусмотренного законом того или иного преступления. Действующее российское законодательство на деле не определяет понятия «достаточность доказательств», несмотря на то, что данный юридический термин неоднократно употребляется также в ч. 2 ст. 140, ч. 1 ст. 171 и ч. 1 ст. 215 УПК РФ. Однако совершенно понятно то, что речь может идти, прежде всего, о качественной и количественной мере собранных и представленных

достоверных доказательств по каждому рассматриваемому уголовному делу. Совершенно ясно также и то, что все эти упомянутые «достаточные доказательства» должны быть рассмотрены и оценены в их тесной взаимосвязи и в определенном правовом контексте (системе) в зависимости от особенностей рассматриваемого уголовного дела, в частности в зависимости от различных элементов состава преступления.

В случаях необходимости законного привлечения предполагаемых преступников к юридической ответственности и для правильной оценки (квалификации) составных частей (элементов) состава предполагаемого или совершённого преступления каждый разумный российский дознаватель или следователь должен располагать соответствующими доказательствами, которые достаточны для уверенного и добросовестного вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого в соответствии с ч. 1 ст. 171 УПК РФ. В судебном разбирательстве для вынесения обвинительного приговора нужна совокупность доказательств, которая достаточна для установления виновности подсудимого в совершении преступления в соответствии с ч. 4 ст. 302 УПК РФ. На основании обобщения судебной практики по уголовным делам Пленум Верховного Суда РФ в п. 13 постановления от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм УПК РФ» указал: «Обвинительное заключение или обвинительный акт в соответствии с п. 5 и 6 ч. 1 ст. 220 УПК РФ и п. 6 ст. 225 УПК РФ должны включать в себя перечень доказательств, которые подтверждают обвинение, а также перечень тех наличных доказательств, на которые ссылается сторона обвинения или защиты. Если по делу привлечено несколько обвиняемых, то или обвиняемому предъявляется несколько эпизодов обвинения, или перечень указанных доказательств должен быть приведен в отдельности по каждому обвиняемому и по каждому эпизоду обвинения.

Представляется, что правдивые и содержательные заключения экспертов должны играть особую роль в формировании внутреннего

убеждения дознавателя, следователей, прокуроров, адвокатов и судей, а также остальных участников уголовного судопроизводства. Более того, мнения специалистов и заключения экспертов, которые самостоятельно устанавливают и прямо указывают на основные факты и элементы состава совершённого преступления, не могут и потому не должны подлежать свободной оценке следователя, прокурора и судьи, если исходные данные, научные основания и выводы экспертизы, а также процессуальный порядок их назначения и проведения не вызывают у участников уголовного процесса никаких разумных сомнений. В подобных случаях должен быть приоритетным не принцип свободной оценки заключения экспертов (в том числе и повторных или комплексных экспертных заключений) по доброй совести или внутреннему убеждению дознавателей, следователей, прокуроров и судей, а принцип обоснованного и правильного формирования внутреннего убеждения работников правоохранительных органов на основе объективного, всестороннего и обстоятельного исследования вещественных и не вещественных доказательств, выявленных посредством использования специальных научных знаний, практических навыков и опыта.

В связи с этим необходимо законодательно закрепить принцип обязательного назначения и производства судебной экспертизы во всех случаях, когда, по мнению участников уголовного судопроизводства или суда, для выявления истины в уголовном деле требуется использование специальных знаний и навыков, особенно когда для выявления некоторых особо важных обстоятельств и их доказывания в тексте субстанционального или процессуального закона. Необходимо также законодательно установить систему правовой ответственности эксперта, дознавателя или следователя в случаях их виновного и несвоевременного назначения и производства судебной экспертизы, особенно если это повлекло за собой утрату возможности для производства необходимых первоначальных, дополнительных или повторных экспертиз.

В целях своевременного назначения и производства качественной, в том числе повторной или комплексной, судебной экспертизы, особенно необходимых и достаточных комплексных экспертиз, существенному расширению и уточнению подлежат законодательные, институциональные и организационные гарантии всех участников уголовного процесса: подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, их защитников или представителей гражданского истца либо гражданского ответчика. В случаях несогласия дознавателя, следователя, прокурора или суда с заключением проведенной экспертизы обязательно должна быть назначена повторная или дополнительная экспертиза с точным указанием причин такого несогласия в соответствующем постановлении. В этих целях уголовно-процессуальный закон должен устанавливать все необходимые юридические гарантии для назначения целесообразных повторных или дополнительных экспертиз посредством принятия соответствующих мер по возможному и своевременному сохранению хотя бы части исследуемых экспертами вещественных доказательств. Необходимо законодательное установление реальной возможности участия судебных экспертов в рассмотрении уголовных дел в судах кассационной инстанции, что, естественно, расширит права экспертов последовательно отстаивать обоснованность и достоверность данных ими заключений в качестве необходимых или дополнительных доказательств.

Представляется, что во всех подобных случаях необходимо также обязательное назначение и производство судебно-психологической экспертизы во всех предполагаемых случаях инсценировки самоубийств или доведения до убийства, установления подлинности авторства тех или иных рукописных, машинописных или типографских материалов и документов, а также во время расследования транспортных происшествий или производственных аварий, дел, связанных с экстремальными обстоятельствами (состояниями правомерной обороны или крайней

необходимости). Это правомерно и целесообразно сузило бы круг разрешительных (дискреционных) полномочий руководящих процессами уголовного судопроизводства работников правоохранительных органов в целях более гарантированного полного и объективного досудебного рассмотрения уголовных дел. Необходимо также законодательное закрепление института обязательного участия адвоката - защитника обвиняемого или подсудимого, а также адвоката - представителя потерпевшего во всех уголовных делах, при которых квалификация деяния или приговор суда имеет своим основанием также мнения специалистов или важное заключение соответствующей судебной экспертизы. Только необходимая и достаточная доказанность тех или имевших место фактов по уголовному делу может стать гарантией обоснованности, законности и правосудности того или иного судебного решения, обвинительного или оправдательного приговора. Для претворения надлежащей и долговременной правомерной цели - уверенного и надежного свершения уголовного судопроизводства в России - представляется, что необходимо в начальные положения, в частности в ст. 6 УПК РФ, внести четкое определение и закрепление долговременных правовых целей и установок, правоохраняемых ценностно-целевых и организационно-функциональных принципов, которые касаются необходимого всестороннего поиска, выявления, сохранения и представления разными сторонами уголовного судопроизводства истинной, полной картины и отдельных обстоятельств предполагаемого или совершённого преступления для своевременного оправдания невиновных, а также должного и благотворного наказания виновных в совершении преступления лиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение проведенного исследования необходимо подвести итоги.

Понятие доказательств практически едино во всех процессуальных отраслях права. Основные отличия в их определении имеются в том, устанавливается ли кодексом исчерпывающий перечень видов доказательств и какие именно виды доказательств определяются.

Из проведенного исследования следует, что основными признаками доказательств по уголовным делам являются следующие.

Доказательства - это сведения о фактах. Доказательства возникают в результате отражения конкретных обстоятельств, фактов на определенных носителях информации (в письмах, документах, свидетельских показаниях и др.). Любое доказательство является отражением объективной реальности, т.е. выступает сведением о факте. Данное обстоятельство принимается во внимание при оценке доказательства. Например, свидетель-очевидец не только наблюдает событие, но и запоминает его, а потом воспроизводит в суде. В отличие от реально существующего факта сведения о нем, воспроизведенные свидетелем, могут быть в той или иной степени отдалены от реальности. Различия между фактом и сведениями о нем обусловлены особенностями восприятия конкретного человека (острота зрения, слуха, удобное или неудобное месторасположение, с которого он наблюдал событие, и проч.), длительностью периода между восприятием и воспроизведением информации, спецификой его памяти, процессом воспроизведения информации о событии.

И особое место в институте доказывания занимают вещественные доказательства.

Доказательства - это сведения не о любых фактах, а только о тех, которые имеют значение для данного дела.

Доказательства должны быть получены с соблюдением порядка, предусмотренного УПК РФ и другими федеральными законами. Данное положение говорит о допустимости доказательств. Если нарушена процедура получения доказательства, то оно не может быть применено в процессе судебного разбирательства.

Важными признаками доказательств являются их относимость, допустимость, достоверность и достаточность. Первые три признака фактически отделяют доказательства от любых иных сведений о фактах.

Последний признак (достаточность доказательств) свидетельствует о том, что собрано и исследовано все, чтобы считать факт, входящий в предмет доказывания по делу, установленным или опровергнутым.

Стороны процесса имеют право на ознакомление с вещественными доказательствами. Обвиняемому и его адвокату такая возможность предоставляется после полного формирования дела. В соответствии со статьей 216 УПК материалы, в том числе включенные в доказательную базу, предоставляются потерпевшему, гражданскому ответчику и их официальным представителям.

К материалам дела приобщают две больших группы подтверждений совершения преступления, это вещественные и личные доказательства. Они различаются характером получения, сутью и формой. Но одинаково важны для достижения справедливости.

К вещественным доказательствам относятся предметы, которые можно потрогать, изучить, осознать и понять варианты применения, использования. А к личным доказательствам относится информация, зафиксированная официальным образом. Это показания свидетелей, потерпевшего, самого преступника. Сюда же относят мнение экспертов и специалистов.

Свидетелю позволено отказаться от слов, внести корректировки. Кроме того, личные доказательства часто зависят от мнения, то есть могут оказаться предвзятыми. А предмет – это то, к чему все стороны относятся одинаково.

Нож оценивается, с точки зрения физической возможности нанесения увечья, например. Оценке подвергается в таковой ситуации намерение преступника, а никак не способность ножа вонзиться в тело.

В криминалистической теории нет точной градации доказательств на личные и вещественные. Однако к последней группе принято относить материальные объекты, субъективная характеристика которых невозможна. Они всегда объективны в отличие от мнения участников процесса.

Представленные в суд вещественные доказательства осматриваются судом и предъявляются лицам, участвующим в деле, их представителям, свидетелям, экспертам и специалистам (при необходимости), которые могут обращать внимание суда на те или иные обстоятельства, связанные с осмотром. Их заявления заносятся в протокол судебного заседания.

Представленные в суд незначительные вещественные доказательства, бумаги хранятся в досье дела. Для хранения крупных вещей используется камера хранения (все вещи описываются, оригинал описи находится в материалах дела). Доказательства, которые не могут быть доставлены в суд, хранятся в месте их нахождения (или в ином определенном судом месте). Они должны быть осмотрены судом, подробно описаны, при необходимости - сфотографированы и опечатаны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // – справ.-правовая система «КонсультантПлюс».ВерсияПроф. – [М., 2019]. – Электрон. текст. дан. – Послед обновление 13.05.2019

2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (Варшава, 16 сентября 1996 г.) // – справ.-правовая система «КонсультантПлюс».ВерсияПроф. – [М., 2019]. – Электрон. текст. дан. – Послед обновление 13.05.2019

3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // – справ.-правовая система «КонсультантПлюс».ВерсияПроф. – [М., 2019]. – Электрон. текст. дан. – Послед обновление 13.05.2019

4. Постановление Правительства РФ от 20 августа 2002 г. № 620 «Об утверждении Положения о хранении и реализации предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднительно» // – справ.-правовая система «КонсультантПлюс».ВерсияПроф. – [М., 2019]. – Электрон. текст. дан. – Послед обновление 13.05.2019

5. Постановление Правительства РФ от 23 августа 2012 г. № 848 «О порядке реализации или уничтожения предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено» // – справ.-правовая система «КонсультантПлюс».ВерсияПроф. – [М., 2019]. – Электрон. текст. дан. – Послед обновление 13.05.2019

6. Постановление Правительства РФ от 31 августа 2017 г. № 1062 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации

от 23 августа 2012 г. № 848» // – справ.-правовая система «КонсультантПлюс».ВерсияПроф. – [М., 2019]. – Электрон. текст. дан. – Послед обновление 13.05.2019

7. Методические рекомендации по проведению ежедневных инструктажей судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов перед заступлением на службу (утв. Федеральной службой судебных приставов 22 февраля 2012 г.)

8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (утратил силу) // – справ.-правовая система «КонсультантПлюс».ВерсияПроф. – [М., 2019]. – Электрон. текст. дан. – Послед обновление 13.05.2019

9. А.С. Гетманов. Уголовная ответственность руководителей предприятий: правовой анализ и практические советы. - М.: Редакция «Российской газеты», 2019. Вып. 5. - 144 с.

10. Белкин А.Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? В 2 т. Том 1. Общая часть (2-е изд., испр. и доп.). - М.: Издательство Юрайт, 2017. - 287 с.

11. Давыдов В.А., Дорошков В.В., Зеленин С.Р., Кондратов П.Е., Степалин В.П., Хомицкая Т.П., Червоткин А.С., Шалумов М.С. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практическое пособие (в двух частях, часть первая; под ред. д.ю.н., проф. В.М. Лебедева; 8-е изд., перераб. и доп.). - М.: «Издательство Юрайт», 2019. - 246 с.

12. Давыдов В.А., Дорошков В.В., Зеленин С.Р., Кондратов П.Е., Степалин В.П., Хомицкая Т.П., Червоткин А.С., Шалумов М.С. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в двух частях, часть вторая; под ред. д.ю.н., проф. В.М. Лебедева; 8-е изд., перераб. и доп.). - М.: «Издательство Юрайт», 2019. - 302 с.

13. Деришев Ю.В, Орумбаев Н.Е. Конфиденциальные процессуальные действия в континентальном уголовно-процессуальном законодательстве:

поиск компромисса // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2015. - № 2 (32) – С. 25 – 34.

14. Казинян Г.С., Гукасян Г.О. Современные вызовы уголовного правосудия в республике Армения // Российское право: образование, практика, наука. - 2015. - № 1 (85) – С. 12 – 15.

15. Колосович М.С. Производство негласных следственных действий по УПК России, Украины, Казахстана и Киргизии // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2015. - № 3 (33) – С. 17 – 25.

16. Кондратьев М.В., Драпезо Р.Г. Об актуальности оперативно-розыскной деятельности на современном этапе развития государства // Вестник Кемеровского государственного университета. - 2015. - № 2-2 (62) – С. 10 – 17.

17. Корякин В.М. Разграничение полномочий командиров (начальников) и органов военной полиции в работе по обеспечению правопорядка и воинской дисциплины // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 6. С. 2-8.

18. Петров О.Ю. Краткий анализ современного правового регулирования деятельности органов дознания вооруженных сил Российской Федерации / О.Ю. Петров // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2015. - № 4. – С. 25 – 28.

19. Новеллы уголовно-процессуального законодательства постсоветских стран: введение института негласных следственных действий / К.С. Доронин // Законодательство. – 2018. - № 2. – С. 4 – 9.

20. Осипян Б.А. Критерии правомерного различения понятий и составов гражданского правонарушения (деликта), дисциплинарного проступка, административного правонарушения и преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2016. - № 4. - С. 14-24.

21. Осипян Б.А. Надлежащий социальный правопорядок как первооснова и конечная цель действия человеческого правосознания и

правомерного закона // «Черные дыры» в российском законодательстве.- 2016. - № 1. - С. 24-32.

22. Осипян Б.А. Понятие, цели и процессы доказательства истинных обстоятельств уголовного дела / Б.А. Осипян // Гражданин и право. – 2018. - № 7. – С. 13 – 17.

23. Осипян Б.А. Правовое значение действия доброй совести человека // «Черные дыры» в российском законодательстве. - 2016. - № 2. - С. 10-18.

24. Осипян Б.А. Юридическое определение понятия уголовного наказания // Юридический вестник ДГУ. - 2017. - № 1. - С. 113-123.

25. Отнесение уголовно-исполнительной системы России к категории федеральных органов исполнительной власти, наделенных в уголовно-процессуальном законодательстве России полномочиями органов дознания, и исключение из нее: идеология проблемы / С.И. Гирько // Труды Академии управления МВД России. – 2018. - № 1. – С. 12 – 18.

26. Пасько А.Ф., Дычко О.Е. Негласные следственные действия по УПК Республики Казахстан // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: Материалы конференции (15 апреля 2016 г., Курск). Курск, 2016.

27. Петров О.Ю. Краткий анализ современного правового регулирования деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. - 2015. - № 4. - С. 21-31.

28. Потапов Д.В. О создании цифровой платформы взаимодействия в ходе досудебного производства надзирающего прокурора и органа предварительного расследования / Д.В. Потапов // Труды Академии управления МВД России. – 2018. - № 1. – С. 18 – 23.

29. Савин И.Г. Особенности деятельности органов дознания и дознавателей в воинских частях вооруженных сил Российской Федерации /

И.Г. Савин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2016. - № 6. – С. 13 – 17.

30. Сафоненков П.Н. Экзамен на статус адвоката: учебно-практическое пособие. Часть вторая. - М.: «Деловой двор», 2017.

31. Стефанова Е.Ю. Сравнительный анализ процессуального статуса начальника органа дознания по УПК Российской Федерации и УПК Республики Казахстан / Е.Ю. Стефанова // Академическая мысль. – 2018. - №4. – С. 11 - 16.

32. Стефанова Е.Ю. Начальник органа дознания в современном уголовном процессе / Е.Ю. Стефанова // Академическая мысль. – 2018. - №2. – С. 25 – 29.

33. Шарихин А.Е. Органы дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации и некоторых государствах - членах Содружества Независимых Государств: сравнительно-правовой анализ / А.Е. Шарихин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2017. - № 6. – С. 16 – 22.

34. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 января 2018 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит» // – справ.-правовая система «КонсультантПлюс».ВерсияПроф. – [М., 2019]. – Электрон. текст. дан. – Послед обновление 13.05.2019.

35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // – справ.-правовая система «КонсультантПлюс».ВерсияПроф. – [М., 2019]. – Электрон. текст. дан. – Послед обновление 13.05.2019.

36. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»// – справ.-правовая система «КонсультантПлюс» ВерсияПроф. – [М., 2019]. – Электрон. текст. дан. – Послед обновление 13.05.2019.

37. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // – справ.-правовая система «КонсультантПлюс».ВерсияПроф. – [М., 2019]. – Электрон. текст. дан. – Послед обновление 13.05.2019.

38. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 08 сентября 2016 г. по делу № 10-4339/2016 // – справ.-правовая система «КонсультантПлюс».ВерсияПроф. – [М., 2019]. – Электрон. текст. дан. – Послед обновление 13.05.2019.

39. Приговор Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 29 марта 2016 г. по делу № 22-1/2016 // – справ.-правовая система «КонсультантПлюс».ВерсияПроф. – [М., 2019]. – Электрон. текст. дан. – Послед обновление 13.05.2019.

40. Бюллетень судебной коллегии по уголовным делам Липецкого областного суда (второй квартал 2018 года) // – справ.-правовая система «КонсультантПлюс».ВерсияПроф. – [М., 2019]. – Электрон. текст. дан. – Послед обновление 13.05.2019.

41. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Хакасия № 22-1223/05.